

А. Виноградова

**Княгиня Екатерина
Романовна Дашкова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Виноградова**
Княгиня Екатерина Романовна Дашкова / А. Виноградова – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 64 с.

ISBN 978-5-458-12093-7

Биографический очерк для юношества.

ISBN 978-5-458-12093-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

жають ей свое уваженіе; Іосифъ II, императоръ Австрійскій, ищетъ съ ней свиданія, несмотря на свою болѣзнь; самъ Великій Фридрихъ—этотъ „старый ворчунъ“, стоитъ передъ Дашковой безъ шляпы на глазахъ цѣлой арміи.

Современные намъ писатели называютъ ея характеръ „*исключительнымъ*“, дарованія ея ума и души „*чрезвычайными*“, не сомнѣваются, что она много поработала для переворота 1762 года; время ея управленія академіи называютъ „лучшимъ временемъ въ исторіи Россійской Академіи“. Но, подводя итоги фактамъ и отзывамъ за и противъ этой замѣчательной женщины, приходятъ къ выводамъ, что ея стремленія были *узко эгоистичны*, образованность *внѣшняя*, идеалы *туманны*, а ея общественно - литературная дѣятельность *небезкорыстна*.

Что касается насъ, княгиня Дашкова возбуждаетъ въ насъ глубокой интересъ, не столько какъ историческій дѣятель, но какъ русская женщина, жизнь которой прошла въ бесплодной борьбѣ за самостоятельность

мысли и дѣйствій, за ея человѣческое я. Жизнь ея была сплошнымъ рядомъ разочарованій и обманутыхъ надеждъ. Она была обманута во всемъ: въ честолюбіи, въ дружбѣ, въ семейныхъ привязанностяхъ. Однако она до глубокой старости сохранила способность глубоко привязываться къ людямъ при малѣйшей надеждѣ на сочувственный откликъ. Если убѣжденія ея были шатки и неопредѣленны, то виною этому были воспитаніе и среда, въ которой она вращалась. Она всю жизнь билась, какъ птица въ клѣткѣ, и умерла съ тоскливымъ сознаниемъ, что могла совершить многое—и не сдѣлала ничего. Судьба такихъ людей трагична и всегда одинакова: это тѣ неудачники, которыхъ судьба щедро надѣляетъ всѣми талантами и самыми лучшими стремленіями, но не даетъ необходимаго практическаго смысла, чтобы они могли примѣнять свои способности сообразно съ данными условіями жизни.

Въ туманной дали начала нынѣшняго столѣтія я вижу горделиво-грустный старушечій обликъ: изъ-подъ батистоваго чепца

выбиваются сѣдые волосы; глубокіе глаза смотрять съ печальнымъ раздумьемъ; усталость и горечь ютятся въ складкахъ рта. Красное платье кидаетъ на характерныя черты пурпуровый отблескъ; какъ будто сквозь старческую кожу пробивается зарево таинственнаго душевнаго пожара, подавленнаго, но непотухшаго. Раскрытая шкатулка на колѣняхъ полна сувенирами „ложныхъ друзей“. Старушка смотритъ на реликвию, и печальная ироническая улыбка появляется на ея устахъ...

Отецъ Дашковой, графъ Романъ Илларионовичъ Воронцовъ, служилъ сначала въ военной службѣ подъ начальствомъ Густава Бирона, брата, знаменитаго своею жестокостью, временщика. Ему давались неважныя командировки въ родѣ „приготовленія подводъ къ маршу Его Превосходительства“. Онъ танцевалъ на дворцовыхъ ассамблеяхъ, игралъ въ карты и вообще велъ свѣтскую, безпечную жизнь назтнаго

человѣка того времени, но потомъ онъ перешель въ статскую службу и, ко времени рожденія своей младшей дочери, былъ уже сенаторомъ. Во всю свою жизнь онъ ничѣмъ не выдавался изъ толпы царедворцевъ, если не считать той исключительной, даже по тому времени, слабости къ расточительности, которая подала поводъ Екатеринѣ Второй подарить ему на именины пустой кошелекъ длиною почти въ аршинъ... Его жена, мать Екатерины Романовны, Марѣа Ивановна Сурмина, считалась одной изъ первыхъ красавицъ двора Анны Иоанновны и славилась своимъ умѣньемъ плясать „русскую“. Веселая и расточительная Елизавета Петровна, сама любившая водить хороводы, очень дружила съ скромной и нетребовательной Марѣой Ивановной, тѣмъ болѣе, что та никогда не отказывала помочь принцессѣ своимъ кошелькомъ. Стѣлавшись императрицей, Елизавета Петровна не забыла своей подруги и всегда оказывала ей особенное расположеніе, которое потомъ перенесла и на ея дочь т. е. на княгиню Дашкову. У Екатерины

Романовны были двѣ сестры старше ея— Марія и Елизавета—и два брата: Александръ и Семень. Но наибольшее право на историческое вниманіе заслужила она сама.

Екатерина Романовна родилась 17 марта 1743 года, во второй годъ царствованія Елизаветы Петровны. Императрица сама пожелала быть крестной матерью новорожденной, а крестнымъ отцомъ былъ пятнадцатилѣтній наслѣдникъ престола, несколько непредполагавшій, конечно, какъ жестоко впослѣдствіи отплатить ему его крестница. Удостоенная еще въ пеленкахъ вниманія царственныхъ особъ, Екатерина Романовна не пользовалась, однако, вниманіемъ своихъ родителей. Ни отецъ, ни мать не любили отнимать времени у наслажденій жизнью, чтобы проводить его въ скучныхъ заботахъ по воспитанію дѣтей, и охотно поручали ихъ бабушкѣ или дѣдушкѣ или даже отдавали совсѣмъ въ чужія руки. Такъ двѣ старшія дочери, Марья и Елизавета, въ самыхъ раннихъ лѣтахъ были отправлены во дворецъ, гдѣ изъ нихъ воспитывали фрейлинъ. И если

въ этомъ случаѣ можно извинить родителей государственной необходимостью, то чѣмъ оправдать удаленіе крошечной Екатерины къ бабушкѣ, а грудного Семена къ дѣду? Какъ бы то ни было, матери своей Екатерина Романовна совсѣмъ не помнила... Недолго пользовалась дѣвочка и любящими попеченіями бабушки... четырехъ лѣтъ она переходитъ въ третьи руки — къ дядѣ своему, вице-канцлеру Михаилу Илларионовичу Воронцову. Онъ не былъ такъ богатъ дѣтьми, какъ его братъ Романъ Илларионовичъ, и его единственной дочери понадобилась подруга для дѣтскихъ игръ. Женатый на двоюродной сестрѣ императрицы, Аннѣ Карловнѣ Скавронской, Михаилъ Илларионовичъ пользовался большимъ расположеніемъ Елизаветы Петровны. Къ нему благоволилъ и любимецъ государыни, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, и оба часто заѣзжали къ вице-канцлеру ужинать, возвращаясь изъ театра. Жизнерадостному Роману Илларионовичу не было ни времени, ни охоты возиться съ дочерью, и потому, онъ принялъ какъ благодѣяніе

предложеніе брата, но бабушка отпустила внучку не безъ сопротивленія. Некрасивая, но необыкновенно умная и чувствительная, дѣвочка скоро почувствовала себя одинокой и заброшенной въ богатомъ домѣ своего дяди. Занятый дѣлами, онъ не имѣлъ времени, а его жена не умѣла и не хотѣла заглянуть въ душу маленькой дикарки, которая, въ довершеніе всего, не сошлась съ своей кузиной, хорошенькой Анной. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, маленькая рознь, зародившаяся въ дѣтскихъ сердцахъ, вслѣдствіе несходства характеровъ, была усилена пристрастнымъ отношеніемъ взрослыхъ въ пользу одной стороны и мало по малу перешла въ полное отчужденіе. Впослѣдствіи княгиня такъ писала въ своихъ запискахъ о своихъ отношеніяхъ къ кузинѣ: „мы жили въ однѣхъ съ нею комнатахъ, имѣли однихъ и тѣхъ же учителей, были одинаково одѣты; вся внѣшняя обстановка клонилась къ тому, чтобы сдѣлать насъ совершенно сходными другъ съ другомъ. Однако же во всѣ періоды и во всѣхъ дѣйствіяхъ нашей жизни едва ли мож-

но было бы найти два существа болѣе противоположныхъ.“ Дѣвочекъ воспитывали сообразно съ самыми строгими требованіями моды. Гувернантка учила ихъ по-французски, спеціальные учителя преподавали итальянскій и нѣмецкій языки. Русской грамотой занимался съ барышнями нѣкто Феодоръ Дмитріевичъ Бехтѣевъ, приглашенный впослѣдствіи къ великому князю Павлу Петровичу. Но изученіе родного языка не считалось существеннымъ дѣломъ, потому что Екатерина Романовна въ своихъ запискахъ сообщаетъ не безъ кокетливаго пренебреженія, что уроки у Бехтѣева брались только тогда, „когда ихъ угодно было слушать“.

А когда послѣ замужества Екатерина Романовна пріѣхала въ Москву, она была въ большемъ затрудненіи, не зная на какомъ языкѣ объясняться съ своей свекровью, истой москвичкой, не знавшей никакого другого языка кромѣ родного.

Къ тринадцатилѣтнему возрасту образованіе дѣвицъ Воронцовыхъ считалось законченнымъ. Въ тѣ времена на тринадцати-

лѣтнихъ дѣвочекъ всѣ смотрѣли какъ на „невѣсть“ и, стыдливо краснѣя, невѣсты мечтали о суженыхъ. Некрасивая, но чрезвычайно самолюбивая, Катя Воронцова жестоко страдала, не находя „предмета“, на который бы могла излить пламенные чувства своего юнаго, восторженнаго сердца. И вотъ она изнемогаетъ въ безплодныхъ попыткахъ найти искреннюю привязанность среди тѣхъ людей, которые привыкли руководствоваться однимъ расчетомъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ и средство душъ считали пустой сентиментальностью. Одинокѣ бродила молодая дѣвушка по обширнымъ покоямъ канцлерскаго дома. Ее угнетала мысль, что ей суждено всегда наталкиваться только или на равнодушіе, или на непріязнь, что въ ея натурѣ есть, вѣроятно, что-то такое что отталкиваетъ всѣхъ. Въ такомъ настроеніи Екатерину Романовну застигла болѣзнь, неважная сама по себѣ, но оказавшая большое вліяніе на ея душевный складъ.

20 сентября 1754 г. крестная мать Екатерины Романовны была обрадована рожденьем внучатнаго племянника, царевича Павла. Тотчасъ послѣ рожденья ребенокъ былъ взятъ отъ своихъ родителей и помѣщенъ въ апартаментяхъ самой Государыни. Здѣсь многочисленная толпа нянекъ и мамокъ окружила его нѣжными, но въ то же время и невѣжественными попеченіями. Онъ лежалъ въ жарко натопленной комнатѣ, въ кроваткѣ, обитой мѣхомъ чернобурыхъ лисиць, закутанный во фланелевыя пеленки и прикрытый одѣяломъ изъ розоваго бархата, подбитаго мѣхомъ. На лицѣ и по всему тѣлу ребенка выступали капли пота. Впослѣдствіи, когда онъ выросъ, то былъ очень склоненъ къ простудѣ и заболѣвалъ отъ малѣйшаго дуновенія вѣтерка. Воспитательницы цесаревича страшно боялись „дурного глазу“ и накожныхъ болѣзней, и потому былъ изданъ указъ немедленно отправлять изъ Петербурга каждаго ребенка, семейство котораго имѣло пріѣздъ ко двору, если онъ